

«Наши друзья из

НКВД совершили

ошибку»

(Казанские свидетельства «Катынской трагедии»*)

10 мая 1957 г. сотрудники КГБ ТАССР вели слежку за сотрудниками американского посольства в Москве Морганом и Россом, являвшимися профессиональными разведчиками. В этот день в 10 часов утра они появились в книжном магазине № 1 на ул. Баумана г. Казани. Этот магазин и особенно отдел «Политкнига» всегда пользовался популярностью у иностранных разведчиков. Здесь они скупали различные путеводители, карты, справочники и книги, касающиеся различных сторон жизни Татарской республики. Во время наблюдения чекисты заметили, что в момент нахождения иностранцев в магазине в непосредственной близости от них появился некий гражданин. Кем был этот человек, и было ли его появление случайным? Через некоторое время неизвестный был установлен. Это был Борис Ольшанский, который недавно вернулся в СССР после многолетнего пребывания на Западе. В 1947 г. он как офицер Советской Армии проходил службу в Берлине. 5 сентября вместе со своей женой немкой перешел в американскую зону оккупации¹.

* Термин «Катынская трагедия» — собирательный, обозначает расстрел в апреле-мае 1940 г. почти 22 тысяч польских граждан, содержавшихся в разных лагерях и тюрьмах НКВД СССР. Среди них 14 552 польских офицера и полицейских, оказавшихся на территории Польши, отошедшей в сентябре 1939 г. Советскому Союзу по секретному Протоколу Молотова-Риббентропа и содержавшихся в трех лагерях НКВД для военнопленных. Более 4 тысяч из них были расстреляны и захоронены в Катынском лесу под

Случаев такого перехода советских военнослужащих на бытовой основе было немало. Даже Герои Советского Союза переходили со своими возлюбленными в западную зону. Особого внимания тогда органы безопасности этому факту не придали. Однако у Ольшанского мотивы перехода были не только бытовые. В 1953 г. сенатская комиссия Конгресса США заслушивала показания свидетелей по так называемому «Катынскому делу». Среди тех, кого опрашивал сенатор Митчелло, был и Борис Ольшанский, родившийся в Воронеже. Его отец был хирургом и лично знал профессора Н. Н. Бурденко^{**}, который в двадцатые годы жил в Воронеже.

Вот его показания: «Мой отец был доктором и хорошим другом Бурденко с 1919 года. С 1919 по 1923 г. Бурденко и мой отец находились в Воронеже. После этого Бурденко уехал в Москву, но под-

Смоленском. Захоронения в Катыни впервые были обнаружены немецкими оккупационными властями в 1943 г. В 1944 г. Советская власть, отвергая свою причастность к расстрелу поляков, обвинила в этом преступлении немцев. В течение 47 лет Катынь оставалась единственным достоверно известным местом захоронения польских граждан. Она стала символом национальной трагедии Польши.

^{**} Бурденко Николай Нилович (1876-1946) — русский и советский хирург, организатор здравоохранения, основоположник российской нейрохирургии, главный хирург Красной Армии (1937-1946), академик АН СССР (1939), академик и первый президент АМН СССР (1944-1946), Герой социалистического труда (1943), генерал-полковник медицинской службы, участник русско-японской, Первой мировой, советско-финской и Великой Отечественной войн.

держивал дружбу с моим отцом и нашей семьей. Каждый раз, когда был в Москве, я навещал профессора Бурденко. До войны я видел его последний раз в 1936 г. Профессор Бурденко был выдающимся ученым, и он был старейшим членом Академии наук. Во время войны я встретил Бурденко в 1944 году в Гомеле. Тогда я был ранен и лежал в госпитале, и профессор был приглашен туда для инспекции. В то время Бурденко был главным хирургом Красной Армии, в чине генерал-лейтенанта медицинской службы. Что касается массового убийства в Катыни, то я не мог обсуждать этот вопрос в госпитале, поскольку вокруг меня было слишком много незнакомых людей.

Я узнал о массовом убийстве в Катыни из советской печати в начале 1944 года. С самого начала у меня не возникло сомнения в том, что это является одним из обманов Советов. Мое мнение разделяли многие офицеры армии, с которыми я был в очень хороших дружественных отношениях. Когда я прибыл в Польшу с армией маршала Рокоссовского, я услышал то же самое мнение от поляков, и у меня появилось желание добиться правды в этом вопросе. В конце апреля 1946 года я выехал в Москву из Берлина. Я выехал на пять дней и решил посетить профессора Бурденко, который был в это время болен. Он принял меня в своей квартире на Тверской-Ямской улице в Москве. Зная, что он не очень хорошо себя чувствует, я не стал затягивать разговор, который длился всего 40 минут. После нескольких обычных фраз я спросил его о Катыни. Профессор Бурденко ответил, что «Катыни» существовали, существуют и будут существовать. Любой, кто попытается провести в нашей стране раскопки, обнаружит много интересных вещей, из-за которых мы должны были поправить протокол, составленный немцами о массовых убийствах в Катыни. Теперь я повторяю слова профессора Бурденко, которые он произнес позднее: «Я был назначен для поездки в Катынь лично Сталиным. Все трупы лежали в земле четыре года. Для меня, медика, этот вопрос совершенно ясен. Наши друзья из НКВД допустили ошибку». Та-

ковы были слова профессора Бурденко, которые подтверждают то, что я думал раньше. Я не стал спрашивать его, почему он подписал протокол, так как для советского гражданина совершенно ясно, что если бы он его не подписал, то он бы распрощался с жизнью»².

Находясь на Западе, Ольшанский стал активно сотрудничать с антисоветскими эмигрантскими организациями и активно печатался в различных изданиях. 18 марта 1951 г. радиостанция «Голос Америки» передала в эфир статью Бориса Ольшанского «Незримый процесс», опубликованную ранее в журнале «Борьба» — органе «Союза борьбы за освобождение народов России». Проживая в Мюнхене, Ольшанский активно работал над книгой «Мы приходим с Востока», которая была издана в Буэнос-Айресе в 1954 г. В 1952 г. из Германии он переехал в США.

Каким же образом Ольшанский оказался в Казани? В Советский Союз он возвратился через Канаду. Мотивы возвращения туманны. Скорее всего, здесь была задействована советская разведка. Косвенным подтверждением тому служит статья Ольшанского, опубликованная в 1956 г. в газете «За возвращение на Родину»*. В ней, в частности, он писал: «Я задыхался в затхлой антисоветской атмосфере». Не удивительно, что он не был привлечен к уголовной ответственности после своего возвращения в СССР. А в Казань приехал потому, что здесь на авиационном заводе работала его первая жена Ольга Пучковская, эвакуированная во время войны из Воронежа.

Контакт Ольшанского с иностранцами, пришедшими в книжный магазин, зафиксирован не был. Скорее всего, это была комбинация, разработанная сотрудниками центрального аппарата КГБ, в которую казанские чекисты не были посвящены. Несмотря на это, наблюдение за ним они продолжали вплоть до его смерти в 1958 г.

* Печатный орган созданного в 1955 г. в Восточном Берлине советскими властями Комитета «За возвращение на Родину», во главе которого стоял бывший военнопленный генерал-майор Н. Ф. Михайлов. Комитет вел пропагандистскую деятельность среди новых эмигрантов с целью убедить их вернуться в СССР, уверяя в изменении условий жизни в стране после смерти Сталина.

В 1940 г. начальником УНКГБ по Калининской области, на территории которой располагался Осташковский лагерь, был полковник Дмитрий Степанович Токарев. Сам он родился в Оренбургской области в крестьянской семье. До 1938 г. служил в пограничных войсках, а затем — в органах безопасности. С 1948 по май 1953 г. был министром госбезопасности ТАССР.

Свое непосредственное участие в расстреле польских офицеров Д. С. Токарев отрицал. В 1991 г., проживая во Владимирской области, он дал свидетельские показания³. В частности, он сообщил: «Нас вызвали в Москву для того, чтобы объявить, что мы примем участие в операции; это было приблизительно в марте 1940 г. Приказали прибыть не только мне. Вызвали еще моего первого заместителя Павлова и коменданта Рубанова. Не разъясняли причины вызова. Мы поехали. Павлов, как я помню, по пути шутил. Мы сидели на заднем сиденье в машине. Павлов заметил, что едет со своим комендантом, а коменданты известны выполнением смертных приговоров. Итак, когда мы приехали [...] туда, нас сразу направили к Кобулову. Тогда он занимал место Берии, а может, еще до того, перед назначением его на должность заместителя народного комиссара внутренних дел СССР. Сначала он был начальником следственного отдела, назначение получил 17 ноября 1938 г., когда пост начальника НКВД СССР после Ежова принял Берия.

Направили, значит, нас к Кобулову. Когда мы вошли, там было около 15-20 человек, точно не помню. Никого из них я не знал, кроме самого Кобулова, у которого бывал. Кобулов разъяснил: “Мы собрали вас ради того, чтобы сказать вам, что поступило решение высшей инстанции расстрелять некоторых военнопленных, взятых в плен в Польше”. Не произнес названия этой инстанции, позже, однако, я узнал, что это было постановление Политбюро⁴. Когда я говорю о расстреле польских офицеров, считаю, что это не совсем верно. Офицеров там было значительно меньше, чем рядовых солдат. Кого же расстреливали? Как я впоследствии узнал — всех без-

относительно звания, начиная с младших⁵.

Когда я узнал о масштабе операции (предстояло расстрелять около 6 тысяч человек. — *К. Р.*), прямо говоря я перепугался, хотя не из боязливых — ведь из пограничников. Я обратился поэтому к Кобулову: “Богдан Захарович, я обращаюсь с просьбой: разрешите мне остаться по окончании совещания. Я хочу с вами поговорить tet-a-tet”...

Кобулов ответил: “Хорошо, останься”. Я остался. Мы начали разговор: “В таких операциях я никогда в жизни не участвовал. Когда узнал о масштабе этой операции, тем более забоялся, что не сумею сделать”. “А мы на вас не рассчитывали”, — бросил начальник со злостью. По сути дела заявил мне о моей служебной компетенции. “Мы на вас не рассчитывали. Мы пригласили вас потому, что эти операции будут происходить на территории вашей области, поэтому без содействия ваших сотрудников не удастся обойтись”. Когда мы получали инструктаж у Кобулова, я задал вопрос: “Поставить ли в известность об этом первого секретаря областного комитета партии или нет?” “Ни в коем случае! Не должно быть ни одного живого свидетеля”, — гласил ответ. И вот один из водителей, я не помню его фамилии, отказался. Я боялся, чтобы не отдали приказ расстрелять его, как свидетеля. Я вызвал, значит, его к себе и говорю: “Миша, ты коммунист...” [...] взял грех на свою душу, но ради того, чтобы уберечь его от смерти как человека.

Из Москвы прибыли ответственные сотрудники для руководства этой операцией, и между ними были: старший майор государственной безопасности Синегубов — бывший начальник Главного управления обслуживания железнодорожного транспорта, затем Блохин — комендант [комплекса зданий в Москве] НКВД СССР, а также комбриг Кривенко — начальник Главного управления конвойных войск [НКВД]. Они, собственно, и руководили всеми делами.

Прошу еще заметить, что этот лагерь занимал совершенно независимое от управления НКВД по Калининской обла-

⁵ Неразборчиво.

сти положение. Был подчинен непосредственно Москве и занимал как бы экстерриториальное положение на территории Калининской области. Мои работники не имели к нему, к этому лагерю, решительно никакого отношения. Никакого. Там имелся свой независимый от нас особый отдел, имели также своих служащих, назначенных согласно штатам. Коменданта лагеря я видел один-единственный раз.

Упомянутые мной Блохин, Синегубов и Кривенко жили в салон-вагоне, который стоял на станции в тупике. Они там спали, там ели, поэтому и корреспонденцию можно было пересылать только лишь через управление, адресуя примерно так: Калинин, управление НКВД — для Блохина. Сам Блохин принимал участие [...] (в расстрелах. — *К. Р.*). При этом на меня произвело необычайное впечатление, когда они впервые вошли ко мне в кабинет: Блохин, Синегубов и Кривенко. Ну, пойдём, начнём, идем! Отказаться было трудно. Пойдём! Это было уже в первый день. Итак, мы пошли. И тут я увидел весь этот ужас. Пришли туда. Через несколько минут Блохин натянул свою специальную одежду: коричневую кожаную кепку, длинный кожаный коричневый фартук, кожаные коричневые перчатки с крагами выше локтей. На меня это произвело огромное впечатление — я увидел палача!

В камеру, где совершались расстрелы, я не входил. Там технология была выработана Блохиным, да и комендантом нашего управления Рубановым. Они оббили войлоком двери, выходящие в коридор, чтобы не было слышно выстрелов в камерах. Затем выводили приговоренных — так мы о них будем говорить — по коридору, сворачивали налево, где был красный уголок. В красном уголке проверяли по списку: сходятся ли данные, данные личные, не имеется ли какой-нибудь ошибки, да... а затем, когда удостоверяться, что это тот человек, который должен быть расстрелян, немедленно надевали ему наручники и вели в камеру, где совершались расстрелы. Стены камеры также были обиты звукопоглощающей материей.

Всего в расстрелах участвовало около 30 человек. В расстрелах участвова-

ли, главным образом, водители и некоторые тюремные караульные. К примеру, я хорошо знаю, что мой водитель Сухарев принимал активное участие, потому сам же застрелился^{*}, Богданов, тоже наш водитель, также принимал участие, но этот только возил уже расстрелянных. А Сухарев участвовал в расстрелах и еще хвастался мне, как сегодня ловко потрудился.

Сухарев? Застрелился — одним словом. Что ж, понятно — был в казарме и там застрелился. Блохин застрелился, Павлов застрелился. Рубанов сошел с ума. Трагедия.

Когда приехали Блохин, Синегубов и Кривенко, то привезли целый чемодан пистолетов. Оказалось, что эти пистолеты быстро изнашиваются. Поэтому привезли их целый чемодан. Пистолеты “Вальтер”, по-моему, “Вальтер”.

Да, но не допрашивали никого, только одного парнишку спросили: “Сколько тебе лет?” Сказал — 18. “Где нес службу?” “В пограничной охране”. “Чем занимался?” “Был телефонистом”. По-моему, был без головного убора. Вошел и улыбался, да, парень, совершенный мальчик, 18 лет, а сколько служил? Стал считать по-польски — 6 месяцев.

А когда закончили все это грязное дело, москвичи устроили в своем салон-вагоне что-то вроде банкета, навязчиво меня приглашали. Я не согласился и не пошел.

Теперь прошу отметить то, что я скажу. Когда я объяснил Кобулову, что никогда не участвовал в подобных операциях, а также что боюсь, что мне это дело не по зубам, Кобулов отпарировал: “А мы на вас не рассчитывали”.

Однако потом в какой-то день я столкнулся в коридоре с Блохиным. Это было вскоре по завершении “работы” — я тоже стал это называть работой. Я встретил его, значит, в коридоре НКВД. Он спросил меня: “Что против вас имеет Кобулов? Я записал вас в список добровольцев — вы ведь начальник

^{*} Сухарев Николай Иванович (1910-1961) — сотрудник УНКВД по Калининской области. Уволен из МВД Татарской АССР по возрасту 1 января 1959 г. в звании старшего лейтенанта милиции. После увольнения работал в КАИ. В 1961 г. застрелился из пистолета, полученного в награду за участие в акции 1940 г.

управления — а он вас собственноручно вычеркнул”.

В финансовом отделе, а также в архивах финансового отдела найдете, наверное, список награжденных премией в размере месячной заработной платы за участие в этой операции. Моей фамилии, наверное, там не будет. Я был счастлив от того, что не получил серебряников [...]»⁶.

Помню такой случай и хочу вам рассказать, как легко распоряжались человеческой жизнью. Как то раз звонит мне по телефону [...] личный секретарь [...] Кобулова — Якимов — был такой. “Товарищ Токарев, у тебя человек осужденный на расстрел. Он брат Михаила [...] — был у нас такой кинорежиссер [...] польский, как его зовут? Он автор фильмов “Тринадцать”, “Сорок первый”. Такой известный польский гражданин, который, правда, потом автоматически стал советским гражданином.

Он был раз у меня в кабинете вместе с Жаковым*, с актером Жаковым. Следовало его вычеркнуть и не направлять на расстрел. Он уже в Калининне — ночью должен был быть расстрелян [...]”.

Немедленно соединился с кем-то там, не знаю уже с кем, не помню: „Вычеркните его и покажите мне, что вы вычеркнули, доставьте его”, — я сказал. Позже его направили в другой лагерь, куда-то, но куда, не могу теперь сказать».

Автору публикации удалось установить, что указанный Токаревым ре-

* Жаков Олег Петрович (1905-1988) — народный артист СССР (1969). С 1926 г. снимался в кино. На протяжении шести десятков лет сыграл в кино более 100 ролей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Татарстанский правозащитный энциклопедический словарь / Отв. ред. Булатов Р. М. — Казань, 2001. — С. 97.
2. Чекисты Татарии. — Казань, 1990. — С. 93-111.
3. Katyn. Dokumenty zbrodni. Tom 2. Zagłada marzec — czerwiec 1940. Opracowały W. Materski, B. Woszczyński, N. Lebediewa, N. Pietrosowa. — Warszawa, 1998. — S. 432-470.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 166, д. 621, л. 130.
5. Там же, л. 19.
6. Приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР Л. Берия 26 октября 1940 г. о награждении работников НКВД // ЦА ФСБ РФ, ф. 66, оп. 1, пор. 544, л. 252-257. — Режим доступа: http://katynbooks.narod.ru/1940_2000/doc/128doc.html.
7. Катинская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих / Сост. и общ. ред. Яснова О. В. — М., 1991. — 240 с.

жиссер — это Михаил Ильич Ромм**.

Предстояло установить имя родственника Михаила Ромма, который избежал казни. Помог случай. В руки попала книга «Катинская драма»⁷. Мне передал ее бывший секретарь обкома комсомола Радик Фаритович Ибатуллин, человек равнодушный, интересующийся историей. В книге содержалась информация, что действительно по распоряжению первого заместителя наркома НКВД В. Н. Меркулова с этапирования из Осташковского лагеря в г. Калинин был снят Ромм Михаил Алесандрович. В автобиографии М. И. Ромма брат по имени Михаил не упоминается. Дальнейший поиск показал, что у режиссера Ромма был брат по имени Александр***, известный филолог, который во время войны был военным корреспондентом и застрелился из табельного оружия в октябре 1943 г. Упоминаемое Токаревым лицо, возможно, являлось, не братом, а племянником режиссера. Он был переведен в другой лагерь и при формировании Армии Андерса (2-й польский корпус) от выезда из СССР отказался. Примечательно, что Михаил Ильч Ромм никогда ни о племяннике, ни о своем брате ничего публично не говорил. Здесь, возможно, кроется какая-то семейная тайна, связанная с расстрелом поляков в 1940 г.

** Ромм Михаил Ильич (1901-1971) — выдающийся советский кинорежиссер, народный артист СССР (1950), преподаватель ВГИКа. Автор фильма «Обыкновенный фашизм».

*** Александр Ильич Ромм — советский филолог, поэт, переводчик, старший брат кинорежиссера Михаила Ромма.

Публикацию подготовил
Ровель Каишапов,
директор Музея УФСБ РФ по РТ

